

Научная статья

УДК 314.83

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-80-94

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЁЖИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Чулпан Ильдусовна Ильдарханова¹✉, Гульшат Махмудовна Рустамова²

^{1,2}Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

²Центр перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

¹chulpanildusovna@gmail.com✉, ORCID: 0000-0002-3992-0336, AuthorID РИНЦ: 331216

²salahova53@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7346-0348

Аннотация. Цель исследования — определить концептуальные ориентиры изучения феномена молодой семьи через процесс идентификации молодежи с важными демографическими событиями и встраивания в свои жизненные траектории создания семьи и рождения детей.

Методологическая база. Авторы придерживаются современного социально-демографического подхода к изучению демографической идентификации молодежи. Методология базируется на фундаментальных работах научной школы Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, развивающей социально-демографическое направление. При изучении современных социологических исследований молодежи были проанализированы значимые теоретические подходы ученых ИСПИ ФНИСЦ РАН, ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, экономических демографов Вологодского научного центра РАН, казанских ученых.

Результаты исследования. В рамках статьи через анализ демографической ситуации в России, международных и федеральных нормативных документов, опросов общественного мнения и социологических исследований рассмотрена актуальность внедрения нового термина — «демографическая самоидентификация молодёжи», разработано авторское определение понятия, сделаны выводы о том, что данный процесс включает в себя как законодательно зафиксированные нормы (государственные программы, Национальные проекты и т. д.), стимулирующие активность демографического поведения юношей и девушек, так и демографическую самоидентификацию молодых мужчин и женщин, отражающую намерения создания семьи и рождения детей вне контекста государственной демографической политики, формируемую собственными жизненными траекториями. Кроме того, была обозначена необходимость дальнейшего осмысления и институционализации термина в науке, обозначены перспективные направления его исследования.

Перспективы исследования заключаются в научном поиске и кристаллизации терминов демографической идентификации и самоидентификации молодежи. В то же время дальнейшие исследования сопряжены с исследованием противоречий в идентификации молодой семьи, когда, с одной стороны, в общественном восприятии этот феномен связан и с продолжительностью брачного союза (пары, зарегистрировавшие отношения в органах ЗАГС, на момент бракосочетания являются молодоженами вне зависимости от возраста жениха и невесты), с другой стороны, социально-демографическая нагрузка на понятие «молодая семья» обусловлена исключительно возрастом супругов, не превышающим 35 лет.

Ключевые слова: молодежь, демографическая ситуация, репродуктивное поведение, демографические планы, репродуктивные установки, идентификация, демографическая идентификация молодёжи

Для цитирования: Ильдарханова Ч. И., Рустамова Г. М. Демографическая идентификация молодёжи: к постановке проблемы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 80–94. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-80-94>.

Original article

DEMOGRAPHIC IDENTIFICATION OF YOUTH: TOWARD A PROBLEM STATEMENT

Chulpan I. Ildarhanova^{1✉}, Gulshat M. Rustamova²

^{1,2}*Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia*

²*Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia*

¹*chulpanildusovna@gmail.com✉, ORCID: 0000-0002-3992-0336, AuthorID РИНЦ: 331216*

²*salahova53@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7346-0348*

Abstract. *The purpose of the study is to determine the conceptual guidelines for studying the phenomenon of a young family through the process of identifying young people with important demographic events and embedding them in their life trajectories of creating a family and having children.*

Methodological base. *The authors adhere to the modern socio-demographic approach to the study of demographic identification of young people. The methodology is based on the fundamental works of the scientific school of the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, which develops the socio-demographic direction. In the study of modern sociological research of youth, significant theoretical approaches were analyzed by scientists of the ISPI of the FNSC RAS, scientists of the Institute of Demographic Research of the FNSC RAS, economic demographers of the Vologda Scientific Center of the RAS, Kazan scientists.*

The results of the study. *Within the framework of the article, through the analysis of the demographic situation in Russia, international and federal regulatory documents, public opinion polls and sociological research, the relevance of the introduction of the new term is considered — «demographic self-identification of youth», the author's definition of the concept is developed, conclusions are drawn that this process includes both legislatively fixed norms (state programs, National projects, etc.) that stimulate the activity of demographic behavior of boys and girls, and demographic self-identification of young men and women, reflecting the intentions of creating a family and having children outside the context of state demographic policy, formed by their own life trajectories. In addition, the need for further understanding and institutionalization of the term in science was identified, promising areas for its research were identified.*

The prospects of the research. *In the scientific search and crystallization of the terms of demographic identification and self-identification of young people. At the same time, further research is associated with the study of contradictions in the identification of a young family, when, on the one hand, in public perception, this phenomenon is also associated with the duration of the marriage union (couples who have registered relations with the registry office are newlyweds at*

the time of marriage, regardless of age of the bride and groom), on the other hand, the socio-demographic burden on the concept of «young family» is due exclusively to the age of the spouses, not exceeding 35 years.

Keywords: youth, demographic situation, reproductive behavior, demographic plans, reproductive attitudes, identification, demographic identification of youth

For citation: Ildarhanova Ch.I., Rustamova G.M. Demographic identification of youth: toward a problem statement // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 80–94. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-80-94>.

Введение. Современная российская социально-демографическая школа, представленная на национальном уровне, в первую очередь, учеными Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, на региональном уровне научной школой Центра семьи и демографии АН РТ, характеризует демографическую ситуацию в России как находящуюся в системном кризисе [1; 2], который сопровождается:

- снижением численности населения страны (см. таблицу 1);
- ростом численности разводов (рис. 1);

- снижением рождаемости (см. рис. 2);
- преобладанием семей с одним ребенком (см. таблицу 2);
- превалированием доли матерей, рожающих после 25 лет (см. таблицу 3).

Методология. Авторы придерживаются современного социально-демографического подхода к изучению демографической идентификации молодежи. Методология базируется на фундаментальных работах научной школы Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, развива-

Таблица 1
Table 1

**Динамика численности населения Российской Федерации
за период с 01.01.2009 по 01.01.2021 гг.¹**
**Dynamics of the population of the Russian Federation
for the period from 01.01.2009 to 01.01.2021**

Года	Численность населения	Естественная убыль / естественный прирост
1/1/2009	141 млн. 903 тыс. чел.	—
1/1/2010	141 млн. 914 тыс. чел.	11 тыс. чел.
1/1/2012	143 млн. 056 тыс. чел.	1 млн. 142 тыс. чел.
1/1/2013	143 млн. 347 тыс. чел.	291 тыс. чел.
1/1/2014	143 млн. 666 тыс. чел.	319 тыс. чел.
1/1/2015	146 млн. 267 тыс. чел.	2 млн. 601 тыс. чел.
1/1/2016	146 млн. 544 тыс. чел.	277 тыс. чел.
1/1/2017	146 млн. 804 тыс. чел.	260 тыс. чел.
1/1/2018	146 млн. 880 тыс. чел.	76 тыс. чел.
1/1/2019	146 млн. 780 тыс. чел.	–100 тыс. чел.
1/1/2020	146 млн. 748 тыс. чел.	–32 тыс. чел.
1/1/2021	146 млн. 171 тыс. чел.	–577 тыс. чел.

¹ Таблица составлена авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

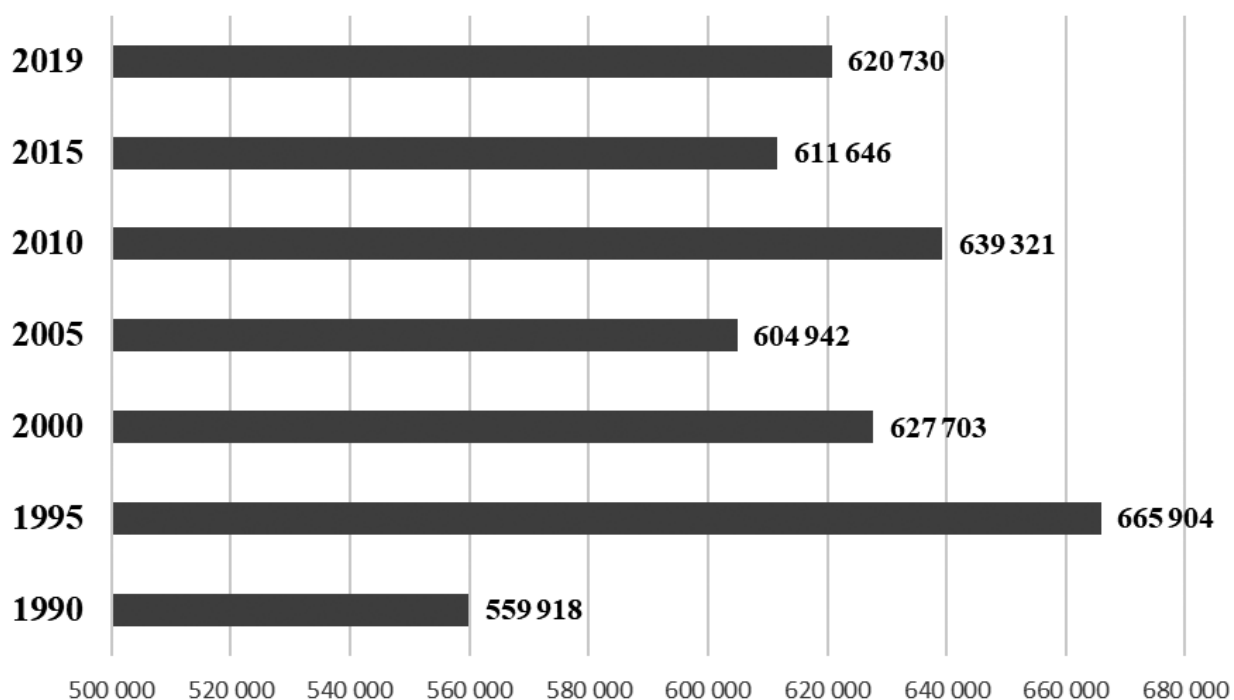

Рис. 1. Динамика показателей развода в Российской Федерации²

Fig. 1. Dynamics of divorce rates in the Russian Federation

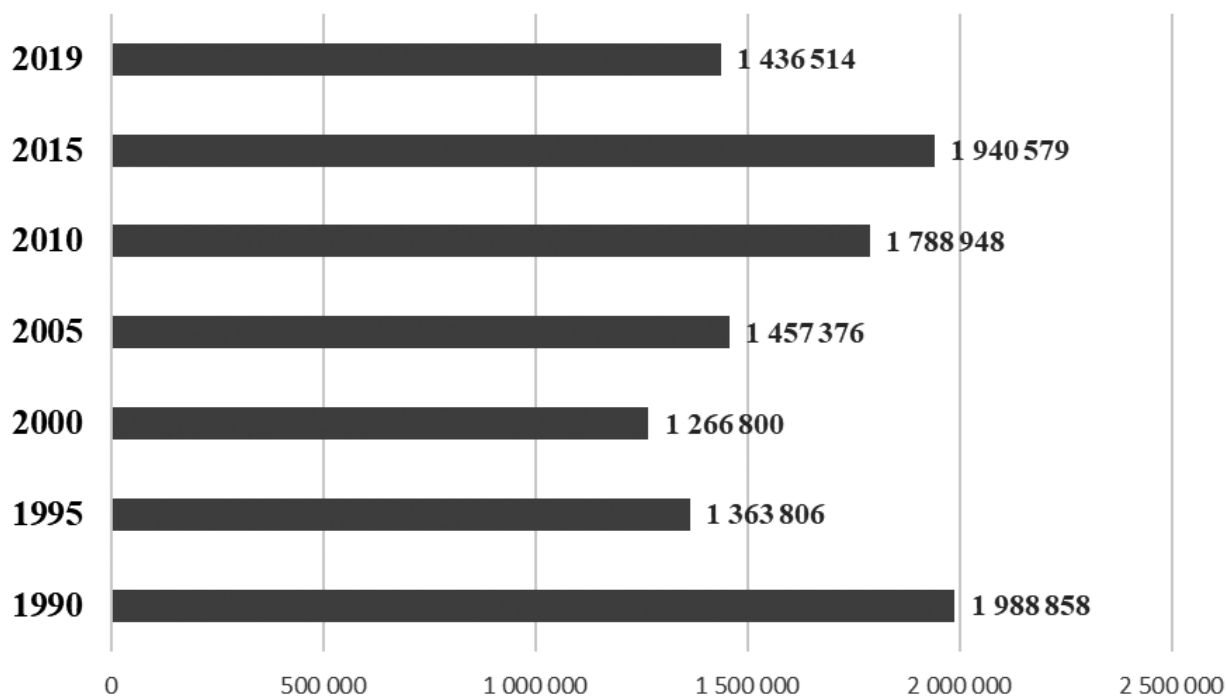

Рис. 2. Динамика показателей рождаемости в Российской Федерации³

Fig. 2. Dynamics of birth rates in the Russian Federation

² Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

³ Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

ющей социально-демографическое направление (Ф.А. Ильдархановой, Ч.И. Ильдархановой и А.В. Шадрикова, занимающихся вопросами социально-пространственной идентичности сельской молодежи, А.А. Ибрагимовой [12], изучающей демографическое поведение молодежи, спрогнозировавшей уменьшение численности женского населения возрастных групп 15–29 лет, что будет только стимулировать существующие проблемы низкой рождаемости детей, А.Р. Абдульязнова, научный интерес которого сосредоточен на безопасности всех социально-демографических групп [13]).

При изучении современных социологических исследований молодежи были проанализированы значимые теоретические подходы ученых ИСПИ ФНИСЦ РАН (В.И. Чуп-

рова, руководителя центра социологии молодежи Ю.А. Зубок), ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской), экономических демографов Вологодского научного центра РАН (А.А. Шабуновой и О.Н. Калачиковой), казанских ученых (А.Р. Тузикова, Р.И. Зинуровой и других).

Изменение демографической ситуации связывается, прежде всего, с молодежью как основным субъектом общественного воспроизводства, в котором сконцентрирован основной репродуктивный потенциал [3].

Особую актуальность приобретают процессы формирования репродуктивных установок, демографических планов и активации репродуктивного поведения молодежи, особенно в возрасте до 25 лет.

Таблица 2
Table 2

Семейные ячейки по числу детей моложе 18 лет⁴
Family units by the number of children under 18 years of age

Российская Федерация	Всего	С 1 ребенком	С 2 детьми	С 3 детьми	С 4 детьми	С 5 и более детьми
	40665579	11664737	4615876	775472	163091	66731

Таблица 3
Table 3

Показатели численности матерей, рождающих после 25 лет, в разрезе федеральных округов Российской Федерации⁵
Indicators of the number of mothers giving birth after 25 years, by federal districts of the Russian Federation

Федеральные округа	Численность родившихся, всего (чел.)	Доля, родивших матерей после 25 лет (%)
Северо-Западный	133996	80,6
Центральный	369324	78,5
Уральский	135480	74,8
Приволжский	281470	74,7
Южный	161564	72,7
Сибирский	178345	72,4
Дальневосточный	91045	71,2
Северо-Кавказский	133293	61,6

⁴ По данным Всероссийской переписи населения 2010 года.

⁵ Таблица составлена авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

Проведенные в России исследования молодёжи свидетельствуют о плюрализации взглядов молодёжи и их полярности в демографических вопросах. С одной стороны, изучение и сравнительный анализ ценностных ориентаций молодёжи России и Казахстана показал тенденцию повышения значения семьи (на 5 месте), особенно в России, где показатель составляет 52,1 %, и только 34 % — в Казахстане [4].

Исследования демографических планов женщин активного репродуктивного возраста выявили предпочтения официальному браку, не исключая возможность сожительства до регистрации отношений, они планируют иметь детей, бездетность оправдывают только при социально-полезной деятельности или усыновлении [5].

С другой стороны, исследователи феномена сожительства среди молодёжи говорят о его институционализации в общественном мнении. Молодёжь видит, что в рамках сожительства возможно такое же исполнение семейных функций, в том числе продолжения рода [6]. Мнения молодёжи разделились: более 60 % считают, что рождение детей возможно и вне брака, порядка 40 % убеждены, что рождение ребенка возможно только в браке [7].

Таким образом, согласно выводам В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, у современной молодёжи как группы наиболее подвижной и самостоятельной в образе мышления и представлениях о норме образа семьи формируется в условиях противоречий вариативность моделей: «традиционных», «модернизационных» и их гибридных форм [8].

мируется в условиях противоречий вариативность моделей: «традиционных», «модернизационных» и их гибридных форм [8].

Постановка проблемы и актуальность институционализации понятия «демографическая идентификация». На современном этапе одним из ключевых моментов в демографическом кризисе выступает статистически обусловленная необходимость омоложения института брака и среднего возраста материнства на государственном уровне и противоположная ей социальная реальность, в которой важные демографические события откладываются населением не на молодую, а на средний возраст.

Этому процессу способствует и расширение возрастных границ молодёжи в России до 35 лет, которое стало возможно после утверждения Федерального Закона «О молодёжной политике в Российской Федерации» №489 от 30.12.2020 г.⁶ Таким образом, согласно подсчёту данных Росстата, увеличение доли молодёжи от общей численности населения страны составляет лишь 8,6 % (см. таблицу 4).

Вместе с тем, как показал опрос, проведенный сервисом «SuperJob» в 2020 г.⁷, россияне не слишком активно поддерживают корректировку возраста молодёжи: «за» высказалось около 24 %, столько же считают предельным возраст для молодёжи 30 лет. Самую активную поддержку инициативе отодвинуть возраст молодёжи до 35 лет оказали

Таблица 4
Table 4

Расчёт численности молодёжи в Российской Федерации с учётом расширения возрастных границ до 35 лет⁸
Calculation of the number of young people in the Russian Federation, taking into account the expansion of age limits to 35 years

всего		мужчин		женщин		доля от населения РФ	
14–30 лет	14–35 лет	14–30 лет	14–35 лет	14–30 лет	14–35 лет	14–30 лет	14–35 лет
26477049	39093419	13522380	19862420	12954669	19230999	18,10%	26,70%

⁶ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №349-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации».

⁷ Результаты опроса исследовательского центра портала (сервиса) по поиску высокооплачиваемой работы «SuperJob» о мнении россиян об увеличении возраста молодежи в стране [Электронный ресурс]. Сервис по поиску высокооплачиваемой работы «SuperJob»: официальный сайт. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112405/pochti-kazhdyj-chetvertyj-rossiyanin-schitaet/> (дата обращения: 16.11.2021).

⁸ Таблица составлена авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

россияне в возрасте 25–34 лет — их 29%. При этом каждый пятый респондент заявил, что молодость заканчивается в 25 лет. Ещё 22% выделили возраст молодёжи моложе 20 лет (см. рисунок 3).

Увеличение возрастных рамок молодёжи ставит перед сферой государственной молодёжной политики Российской Федерации новые задачи, связанные с поддержкой и решением вопросов подгруппы молодёжи 31–35 лет. Вместе с тем, согласно исследованиям А.В. Шадрикова социально-пространственной идентичности российской сельской молодёжи [11], выделена недостаточно высокая степень социальной активности молодёжи в освоении государственных программ поддержки молодёжи в сельской местности: 40% опрошенных осведомлены о них, но это не влечет повышения её социальной активности, а 56,3% вовсе «не сочли нужным» участвовать в государственных программах поддержки молодёжи в сельской местности [14].

При этом согласно опросам Волгоградского научного центра Российской академии

наук, примерно 40% молодёжи полагают, что государство должно реализовывать политику стимулирования или поддержки, порядка 15% считают, что в сферу семейных решений государство не должно вмешиваться вообще. В то же время в среднем даже в идеальных и абсолютно благоприятных условиях молодые люди ориентированы на двоих детей. В реальных условиях планируемая детность ещё ниже [9].

Как показал анализ, в мировой практике отсутствует единство в вопросах возрастной периодизации молодёжи.

Согласно «Всемирной программе действий, касающихся молодёжи, до 2000 года и на последующий период», которая была принята Генеральной ассамблеей ООН в 1995 г., к молодёжи отнесены лица в возрасте от 15 до 24 лет⁹.

При этом в 2015 г. Советом безопасности ООН было отмечено, что молодёжь включает лиц в возрасте от 18 до 29 лет, с оговоркой, что имеют место быть варианты определения этого термина, которые могут существовать на национальном и междуна-

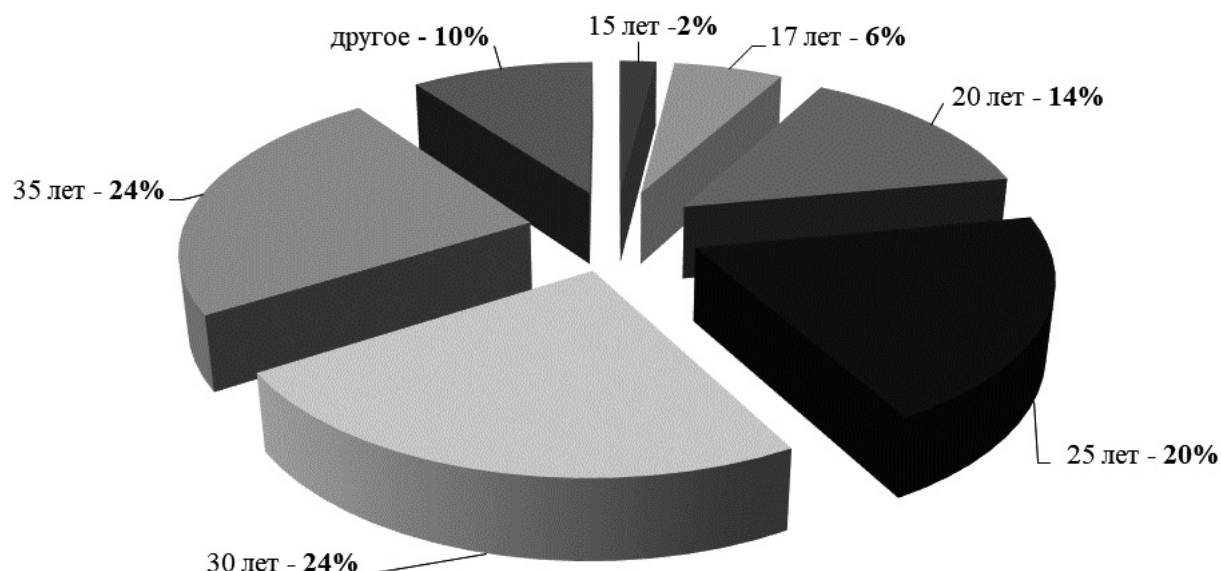

Рис. 3. Мнение россиян об увеличении возраста молодёжи в Российской Федерации¹⁰
Fig. 3. The opinion of Russians about the increase in the age of youth in the Russian Federation

⁹ Резолюция 2250 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на его 7573-м заседании 9 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015.html> (дата обращения: 09.01.2022).

¹⁰ Данные опроса исследовательского центра портала (сервиса) по поиску высокооплачиваемой работы «SuperJob», 15–17 июля 2020 г., опрошено 1600 респондентов.

родном уровнях, в том числе определение молодежи, содержащееся в резолюциях Генеральной Ассамблеи¹¹.

Кроме того, как показал анализ, в основе подходов к определению термина «мо-

лодёжь» нет также единства в периодизации молодёжи (см. таблицу 5).

В то же время специалисты сферы здравоохранения связывают необходимость изменения возрастных границ с изменением

Таблица 5

Table 5

Подходы к установлению границ социально-демографической группы «молодежь» в некоторых странах¹²

Approaches to establishing the boundaries of the socio-demographic group «youth» in some countries

Страна	Подход	Предельные возрастные ограничения, лет
Великобритания	Во многих стратегиях Англии приоритет отдается определению «молодежь» группе от 14 до 19 лет, а в Уэльсе и Северной Ирландии ограничение по возрасту для молодёжи устанавливается в 25 лет	0–25
Азербайджан	Лица в возрасте 14–29 лет	14–29
Казахстан	Граждане Республики Казахстан от 14 до 29 лет	14–29
Беларусь	Граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в возрасте от 14 до 31 года	14–31
Испания	Определяется возрастом 14–30 лет, нередко верхние границы увеличиваются до 32–34 лет	14–34
Люксембург	Определяется только возрастными границами	15–25
Сингапур	Возрастная группа 15–29 лет (согласно международным нормам и стандартам общественных организаций, работающих с молодёжью). Возрастная группа 30–34 года (выделяется Департаментом труда Сингапура и рассматривается им как «молодежь» в собственной статистике)	15–34
Германия	Подростки (от 14 до 18 лет), лица категории «молодой совершеннолетний» (от 18 до 22 лет), «молодые люди» до 27 лет)	14–27
Россия	Молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона), имеющих гражданство Российской Федерации	14–35

¹¹ Резолюция Генеральной ассамблеи ООН 50/81 от 14.12.1995 г. «Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/ga/50/docs/50res.html> (дата обращения: 09.01.2021).

¹² Таблица взята из статьи А. И. Зыряновой, Л. Е. Никифоровой (Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ») «Сущность понятий «молодёжь» и «молодёжная политика» в контексте теории публичного управления, издание «Идеи и идеалы» 2017. Т. 2. №4/343. С. 43–55.

Таблица 6

Table 6

Рейтинг субъектов Российской Федерации по доле родившихся у матерей в возрасте до 25 лет (включительно) от общей численности родившихся по возрасту матери¹³
Rating of the subjects of the Russian Federation by the proportion of mothers born to mothers under the age of 25 (inclusive) of the total number of births by the age of the mother

Место в рейтинге	Наименование субъекта	Доля родившихся у матерей в возрасте до 25 лет, от общей численности родившихся по возрасту матери, %
1 место	Республика Дагестан	44,3
2 место	Чеченская Республика	43,1
3 место	Забайкальский край	35,1
4 место	Республика Тыва	35,01
5 место	Кабардино-Балкарская Республика	33,4
6 место	Республика Адыгея	33,3
7 место	Чукотский автономный округ	32,8
7 место	Республика Ингушетия	32,8
8 место	Ставропольский край	32,2
9 место	Астраханская область	31,6
10 место	Республика Саха (Якутия)	31,4
10 место	Еврейская автономная область	31,4
11 место	Республика Алтай	31,3
12 место	Кемеровская область	31,1
13 место	Амурская область	30,1
14 место	Курганская область	29,8
15 место	Курская область	29,6
16 место	Тамбовская область	29,5
17 место	Иркутская область	29,3
17 место	Республика Бурятия	29,3
18 место	Карачаево-Черкесская Республика	29,06
19 место	Оренбургская область	28,8
20 место	Республика Хакасия	28,5
21 место	Ростовская область	28,2
21 место	Саратовская область	28,2
22 место	Волгоградская область	28,1
23 место	Алтайский край	27,8
24 место	Красноярский край	27,6
25 место	Республика Мордовия	27,5

¹³ Таблица составлена авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Рос-
 стат) по данным за январь-декабрь 2019 г.

Продолжение таблицы 6
 Continuation of Table 6

26 место	Республика Северная Осетия – Алания	27,4
27 место	Орловская область	27,3
28 место	Республика Калмыкия	26,9
28 место	Пензенская область	26,9
28 место	Воронежская область	26,9
28 место	Омская область	26,9
29 место	Тульская область	26,7
29 место	Челябинская область	26,7
30 место	Белгородская область	26,5
30 место	Брянская область	26,5
31 место	Краснодарский край	26,4
32 место	Липецкая область	26,3
33 место	Пермский край	26,2
33 место	Приморский край	26,2
34 место	Чувашская Республика	25,9
35 место	Ульяновская область	25,8
35 место	Республика Крым	25,8
36 место	Хабаровский край	25,6
37 место	Тверская область	25,5
37 место	Рязанская область	25,5
38 место	Псковская область	25,4
39 место	Республика Башкортостан	25,3
40 место	Тюменская область	25,1
41 место	Костромская область	25,04
42 место	Калужская область	24,9
43 место	Ивановская область	24,8
43 место	Смоленская область	24,8
44 место	Удмуртская Республика	24,8
44 место	Республика Марий Эл	24,8
44 место	Сахалинская область	24,8
44 место	Новгородская область	24,8
45 место	Владимирская область	24,6
46 место	Камчатский край	24,5
47 место	Республика Татарстан	24,3
48 место	Магаданская область	23,8
48 место	Томская область	23,8
49 место	Республика Коми	23,7
50 место	Самарская область	23,5

Окончание таблицы 6
 End of Table 6

51 место	Нижегородская область	23,4
51 место	Калининградская область	23,4
52 место	Свердловская область	23,3
53 место	Новосибирская область	23,1
54 место	Кировская область	22,9
55 место	Вологодская область	22,5
56 место	Ленинградская область	22,2
57 место	Архангельская область	22,04
58 место	Ярославская область	21,9
58 место	Московская область	21,9
59 место	Мурманская область	21,8
60 место	Республика Карелия	20,2
61 место	г. Севастополь	18,5
62 место	г. Москва	16,1
63 место	г. Санкт-Петербург	15,1

возрастной классификации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ/WHO): 25–43 года — молодой возраст, 44–60 лет — средний возраст, 61–74 года — пожилой возраст, 75–90 лет — старческий возраст, после 90 лет — долгожители¹⁴.

Одним из возможных последствий расширения возрастных рамок молодёжи может выступать изменение репродуктивного поведения молодёжи, а именно — ещё большее увеличение доли матерей, рожавших в более поздний возрастной период.

Сегодня анализ в разрезе данных регионов России показывает разброс показателей доли рожавших до 25 лет (включительно) матерей от общей численности рожавших женщин, где нижний предел 15,1% (г. Санкт-Петербург) и верхняя планка показателя не превышает 44,3% (Республика Дагестан) от общей численности родившихся по возрасту матери, при этом усредненный показатель по субъектам страны составляет порядка 25% (см. таблицу 6).

Вместе с тем процессам формирования репродуктивных установок, демографичес-

ких планов и активации репродуктивного поведения в молодёжной среде предшествует значимый для каждого представителя молодёжи процесс её идентификации.

Сегодня как и во многих областях в вопросах понимания идентичности, идентификации идет поворот от одномерного понимания к плюрализму, формируя явление «пакет идентификаций». Идеи «единой» идентичности уступают место идеям множественной идентичности [10].

На современном этапе структура идентичности молодёжи включает в себя гражданскую, региональную, политическую, социальную, культурную, пространственную идентичности. Очевидно, что со временем данный перечень будет расширяться и включать новые виды идентичностей. По мнению авторов, для решения проблем демографического кризиса будет своевременным расширение перечня идентификаций молодёжи и включение в него демографической идентификации.

Демографическая идентификация молодёжи — это процесс, направленный на опре-

14 Классификация возраста Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://vgr.by/2021/02/10/molodost-prodlili-klassifikaciya-vozrastov-po-voz-posmotrite-na-svoyu-zhizn-po-novomu/> (дата обращения: 09.01.2021).

деление жизненных сценариев социально-демографической группы в возрасте от 14 до 35 лет, связанных, в первую очередь, с намерением вступления в брак и рождением детей.

Внимание вопросам формирования демографической идентичности необходимо уделять с самых ранних лет, выстраивая таким образом логичную цепочку процессов в молодёжной среде: на основе формирования демографической идентичности внедрение репродуктивных установок, через их закрепление происходит расстановка демографических приоритетов и планов, что формирует активное репродуктивное поведение молодёжи.

Заключение. Таким образом, можно говорить о наличии потребности осмысления вопроса демографической идентификации молодёжи как социального феномена современной общественной жизни со стороны общества. При этом этапы осмысления как самого термина «идентичность», так и его отдельных видов (социальной, общероссийской, конфессиональной и т.д.), в социологической науке уже пройдены. Поскольку в настоящее время есть реальные предпосылки для институционализации термина «демографическая идентичность молодёжи» как самостоятельного научного термина, то требуется дальнейшая научная разработка его теоретико-методологических и методических основ с целью решения задач, связанных с реализацией современной демографической политики.

Перспективным направлением исследования феномена демографической идентичности молодёжи является изучение места и роли процесса демографической идентификации молодёжи в воспроизводстве населения.

Список источников

1. Рязанцев С.В. Демографическое развитие России: старые вызовы и новые решения [Электронный ресурс] // Культурное пространство молодёжи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общей ред. Ростовской Т.К. М.: Изд-во Перспектива, 2019 г. 245 с. URL: <https://itdperspectiva.page.link/kultprost2019> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Ильдарханова Ч.И., Ибрагимова А.А. Естественное воспроизводство российского населения в период пандемии коронавирусной инфекции: риски и последствия (на примере Республики Татарстан) // Регионоведение. 2021. Т. 29. №3. С. 686–708.
3. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодёжи: коллективная монография / под ред. А.В. Бугаева, Т.К. Ростовской. М.: Издательство РГСУ, 2018. 198 с.
4. Ростовская Т.К. Ценностные ориентиры современной молодёжи: особенности и тенденции: монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. М.: РУСАЙНС, 2019. 228 с.
5. Воронин Г.Л., Ключева С.А. Представление молодёжи о брачности и рождаемости, репродуктивные планы // Социально-демографический потенциал российской молодёжи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ялта, 22–24 апреля 2021 г.) / Отв. ред. Т.К. Ростовская. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 195 с.
6. Фатенкова Т.А. Сожительства и неполные семьи: модели идентификации и самоидентификации // Вестник Нижегородского университета. Серия Социальные науки. 2008. Вып. 2(10). С. 63–65.
7. Иванишко А.М. Особенности репродуктивных установок молодёжи Пензенской области в контексте сожительства [Электронный ресурс] // V Чтения памяти В.Т. Лисовского: Материалы Чтений (Москва, 17 декабря 2021 г.) / Отв. ред. Т.К. Ростовская. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 142. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9998> (дата обращения: 01.02.2022).
8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодёжи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. №6.
9. Калачикова О.Н., Шабунцова А.А. Репродуктивное здоровье и поведенческие факторы его формирования (на материалах социологического исследования в Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2016. №1. С. 115–129.
10. Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи: методология и социальные практики: монография / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Н. Вишневецкий и др.; науч. ред.

Ю.А. Зубок. Белгород: ООО «Эпицентр», 2001. 500 с.

11. Шадриков А.В. Репродуктивные установки молодых сельских женщин Республики Татарстан // Регионология. 2018. №1. С. 122–137.

12. Ильдараханова Ч.И., Ибрагимова А.А. Женщины репродуктивного возраста как ресурс повышения уровня рождаемости: ретроспективный и перспективный анализ (на примере Республики Татарстан) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Спецвыпуск. 2019. №1. С. 82–87.

13. Демографический доклад — 2018. Семейная и демографическая политика в контексте Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан — 2030: монография / Под общ. ред. Ф.А. Ильдарахановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. 294 с.

14. Шадриков А.В. Реализация молодежной политики на селе: на примере Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан // Развитие социального пространства России: новые вызовы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. С.М. Вдовина. 2018. С. 61–64.

References

1. Rjazancev S.V. Demograficheskoe razvitie Rossii: starye vyzovy i novye reshenija [Demographic development of Russia: old challenges and new solutions] [Elektronnyj resurs]. Kul'turnoe prostranstvo molodezhi: smysly i praktiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Cultural space of youth: meanings and practices. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference]. Pod obshhej red. Rostovskoj T.K. [In Rostovskaya T.K. (eds.)]. Moscow: Izd-vo Perspektiva, 2019g. 245 p. URL: <https://itdperspektiva.page.link/kultprost2019> (data obrashhenija: 01.02.2022). (In Russ.).

2. Il'darhanova Ch. I., Ibragimova A. A. Estestvennoe vosпроизводство rossijskogo naselenija v period pandemii koronavirusnoj infekcii: riski i posledstviya (na primere Respubliki Tatarstan) [Natural reproduction of the Russian popu-

lation during the pandemic of coronavirus infection: risks and consequences (on the example of the Republic of Tatarstan)]. *Regionologija* [Regionology]. 2021; 29 (3): 686–708. (In Russ.).

3. Molodezhnaja politika v sisteme formirovaniya grazhdanskoj identichnosti sovremennoj molodezhi: kollektivnaja monografija [Youth policy in the system of formation of civic identity of modern youth: a collective monograph]. Pod red. A.V. Bugaeva, T.K. Rostovskoj [In A.V. Bugaev, T.K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: Izdatel'stvo RGSU, 2018. 198 p. (In Russ.).

4. Rostovskaja T.K. Cennostnye orientiry sovremennoj molodezhi: osobennosti i tendencii: monografija [Value orientations of modern youth: features and trends): monograph]. T.K. Rostovskaja, T.B. Kaliev. Moscow: RUSAJNS, 2019. 228 p. (In Russ.).

5. Voronin G.L., Kljueva S.A. Predstavlenie molodjozhi o brachnosti i rozhdaemosti, reproduktivnye plany [Representation of youth about marriage and fertility, reproductive plans]. Social'no-demograficheskij potencial rossijskoj molodjozhi: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Jalta, 22–24 aprelya 2021 g.) [Socio-demographic potential of Russian youth: Materials of the All-Russian Scientific and practical conference (Yalta, April 22–24, 2021)]. Otv. red. T.K. Rostovskaja [In T.K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. 195 p. (In Russ.).

6. Fatenkova T.A. Sozhitel'stva i odnopolye sem'i: modeli identifikacii i samoidentifikacii [Cohabitation and same-sex families: models of identification and self-identification]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Serija Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Social Sciences series]. 2008; 2(10): 63–65. (In Russ.).

7. Ivanishko A.M. Osobennosti reproduktivnyh ustanovok molodjozhi Penzenskoj oblasti v kontekste sozhitel'stva [Features of the reproductive attitudes of the youth of the Penza region in the context of cohabitation] [Elektronnyj resurs]. V Chtenija pamjati V.T. Lisovskogo: Materialy Chtenij (Moskva, 17 dekabrja 2021 g.) [V memory V.T. Lisowski: proceedings of the Readings (Moscow, 17 Dec 2021)]. Otv. red. T.K. Rostovskaja [In T.K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. P. 142. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9998> (data obrashhenija: 01.02.2022). (In Russ.).

8. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Zhiznedejatel'nost' molodjozhi v izmenjajushhejsja real'nosti: protivorechija samoreguljacji [Livelihoods of young people in a changing reality: the contradictions of self-regulation]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2020; 13(6). (In Russ.).
9. Kalachikova O. N., Shabunova A. A. Reproaktivnoe zdorov'e i povedencheskie faktory ego formirovaniya (na materialah sociologicheskogo issledovaniya v Vologodskoj oblasti) [Reproductive health and behavioral factors of its formation (based on the materials of a sociological study in the Vologda Region)]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territorial development]. 2016; (1): 115–129. (In Russ.).
10. Samoreguljacija zhiznedejatel'nosti molodjozhi: metodologija i social'nye praktiki: monografija [Self-regulation of the vital activity of youth: methodology and social practices: monograph]. Ju. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Ju. N. Vishnevskij et al.; nauch. red. Ju. A. Zubok [in Yu. A. Zubok (eds.)]. Belgorod: OOO «Jepicentr», 2001. 500 p. (In Russ.).
11. Shadrikov A. V. Reproaktivnye ustanovki molodyh sel'skih zhenshhin Respubliki Tatarstan [Reproductive installations of young rural women of the Republic of Tatarstan]. *Regionologija* [Regionology]. 2018; (1): 122–137. (In Russ.).
12. Il'darhanova Ch. I., Ibragimova A. A. Zhenshhiny reproductivnogo vozrasta kak resurs povysheniya urovnja rozhdaemosti: retrospektivnyj i perspektivnyj analiz (na primere Respubliki Tatarstan) [Women of reproductive age as a resource for increasing the birth rate: a retrospective and perspective analysis (on the example of the Republic of Tatarstan)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija. Specvypusk* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. Special Issue]. 2019; (1): 82–87. (In Russ.).
13. Demograficheskij doklad — 2018. Sejmaja i demograficheskaja politika v kontekste Strategii social'no-jekonomicheskogo razvitiya Respubliki Tatarstan — 2030: monografija [Demographic Report — 2018. Family and demographic policy in the context of the Strategy of socio-economic development of the Republic of Tatarstan — 2030: monograph] / Pod obshh. red. F. A. Il'darhanovoj [In F. A. Ildarkhanova (eds.)]. Kazan': Izd-vo Akademii nauk RT, 2018. 294 p. (In Russ.).
14. Shadrikov A. V. Realizacija molodezhnoj politiki na sele: na primere Drozhzhanovskogo municipal'nogo rajona Respubliki Tatarstan [Implementation of youth policy in rural areas: on the example of the Drozhzhanovsky municipal district of the Republic of Tatarstan]. *Razvitie social'nogo prostranstva Rossii: novye vyzovy i perspektivy. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Development of the social space of Russia: new challenges and prospects. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference]. Pod red. S. M. Vdovina [In S. M. Vdovin (eds.)]. 2018. P. 61–64. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 19.02.2022.

The article was submitted on 13.02.2022; approved after reviewing on 15.02.2022; accepted for publication on 19.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна — доктор социологических наук, директор, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан.

Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36А

Chulpan I. Ildarhanova — Doctor of Sociological Sciences, Director, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences.

36A Levo-Bulachnaya st., Kazan, Russia

Рустамова Гульшат Махмудовна — аспирантка Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, по специальности 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы», сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан.

Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36А

Gulshat M. Rustamova — Postgraduate Student, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes», Employee of the Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences.

36A Levo-Bulachnaya st., Kazan, Russia

Вклад авторов:

Ильдарханова Ч. И. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; доработка исходного текста; итоговые выводы.

Рустамова Г. М. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Ildarhanova Ch. I. — scientific guidance; research concept; development of methodology; revision of the original text; final conclusions.

Rustamova G. M. — writing the original text; final conclusions.